

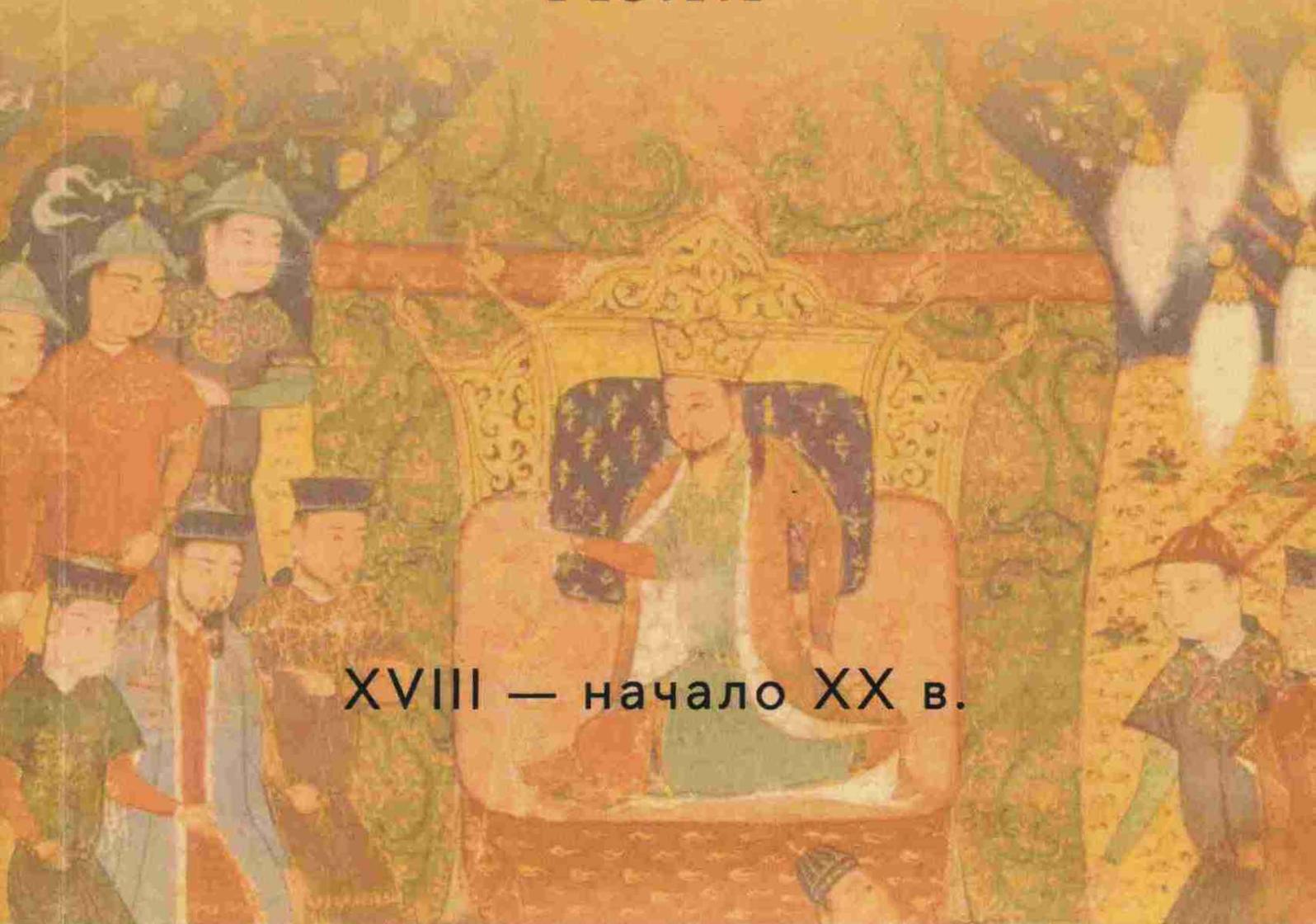
Op67.81
И65
А-410708

Р.Ю. ПОЧЕКАЕВ

ГУБЕРНАТОРЫ И ХАНЫ

Личностный фактор
правовой политики
Российской империи
в Центральной
Азии

XVIII — начало XX в.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
----------------	---

Глава I

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ И КАЗАХСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВХОЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1730–1750-е годы)	23
---	----

§ 1. «Издали просятся между нами добрые и худые слова, то просим во всем не гневаться»: первые начальники Оренбургского края И.К. Кирилов и В.Н. Татищев и хан Младшего жуза Абулхайр	35
§ 2. «...Чтобы нам двоим быть в одной согласии»: первый оренбургский генерал-губернатор И.И. Неплюев, хан Абулхайр и султан Борак.....	54
§ 3. «Формально объявленного хана почитать и ему надлежащее послушание отдавать»: генерал-губернатор И.И. Неплюев и ханы Младшего жуза Нурали и Батыр.....	69

Глава II

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИМПЕРСКИХ РЕФОРМ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ (1780–1790-е годы)	83
--	----

§ 1. «Вашим упреком, с которым вы пишете, я крайне удручен»: симбирский и уфимский наместник О.А. Игельстром и ханы Младшего жуза Нурали и Каип	92
§ 2. «Ныне реченой Сырым зделался нам Емелькою»: О.А. Игельстром и батыр Срым Датов	110

Глава III

КАЗАХСТАН В ЭПОХУ КОРЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

(1810–1840-е годы)	126
§ 1. «Политическая сторона сего края, местное управление и род дел на меня возложенных, превышают почти все мое терпение»: сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский и правители Среднего жуза	135
§ 2. «Поведение же султана Шир-Газы со времени приезда ген. Эссена в Оренбург я нахожу безупречным, и жалобы, на него поступающие, безосновательными»: оренбургский военный губернатор П.К. Эссен и ханы Младшего жуза Ширгази и Арингази.....	154
§ 3. «Приемлю честь убедительнейше просить Ваше превосходительство принять зависящие от Вас меры к отклонению очевидного беспорядка, проистекающего от упорства Кенисары»: оренбургский военный губернатор В.А. Перовский, хан Кенесары и западносибирский генерал-губернатор П.Д. Горчаков	168

Глава IV

БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО КАК «ПОЛЕ» ДЛЯ ИМПЕРСКИХ РЕФОРМАТОРСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ.....

§ 1. «Рекомендую Вам, степенный султан, охранять таковые благонамеренные расположения...»: П.К. Эссен, султан Шигай и хан Джангир	186
§ 2. «Правительство не только ничего не выиграло, а много потеряло от Джангерова управления»: В.А. Перовский и хан Джангир.....	195

Глава V
**ОТ ДИПЛОМАТИИ К ВОЙНЕ И ОБРАТНО:
 ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
 ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
 С ХАНСТВАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ
 ДО СЕРЕДИНЫ XIX В. 203**

- § 1. «Теперь остается принять меры к предупреждению, по возможности, на будущее время возобновления несогласий»: В.А. Перовский и хивинский хан Алла-Кули 210
- § 2. «И где то, что Иликей-хан не враг?»: В.А. Перовский, султан Иликей Касимов и правители Хивы и Коканда 222
- § 3. «Чтобы более найти преданности в этих киргизах и иметь в них всегда верных шпионов, нужно обещать им подарки и деньги»: планы западносибирского генерал-губернатора Г.Х. Гасфорта в отношении Коканда и Восточного Туркестана..... 228
- § 4. «Генерал-адъютанту Катенину хотелось доказать, что надо предоставить ему одному, как начальнику края, самостоятельно распоряжаться в Средней Азии»: оренбургский и самарский генерал-губернатор А.А. Катенин и правители Бухары, Хивы и Коканда 251

Глава VI
**«ЗАВОЕВАНИЕ И УСТРОЕНИЕ» СРЕДНЕЙ АЗИИ:
 ЭПОХА КАУФМАНА..... 272**

- § 1. «Нет еще полного убеждения, что сей последний, воцарившись, будет действительно к нам враждебен»: туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, бухарский эмир Музаффар и его сын Абд ад-Малик 282

- § 2. «Удовольствие видеть Ярым-падишаха так велико, что я не мог бы желать какой-нибудь перемены»:
К.П. фон Кауфман и хивинский хан
Мухаммад-Рахим II 289
- § 3. «Если вы не перемените образа вашего управления., то я вам предсказываю дурной конец»:
К.П. фон Кауфман и кокандские ханы
Худояр и Насреддин 295
- § 4. «Без особой нужды или крайности я полагаю неудобным предпринимать решительные действия против Кульджи»:
К.П. фон Кауфман,
кашгарский эмир Якуб-бек
и присоединение к России Илийского края 300

Глава VII

РОССИЯ И СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ХАНСТВА В ПЕРИОД ПАДЕНИЯ ИМПЕРИИ 309

- § 1. «Бухару и Хиву надо сохранить как автономные области»:
туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин,
бухарский эмир Алим-хан и хивинский хан Исфендиар 313

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 334

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА..... 341

Глава I

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ И КАЗАХСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВХОЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1730—1750-е годы)

Начало процесса интеграции Казахстана в политико-правовое пространство Российской империи датируется 1731 г. Именно тогда, после длительных и сложных переговоров российского дипломата А.И. Тевкелева с представителями казахской правящей элиты, Абулхайр, хан Младшего жуза, получил грамоту императрицы Анны Иоанновны о принятии его вместе с подданными в российское подданство и принес присягу ей на верность [Материалы, 1960, № 3, с. 12—13; № 5, с. 16—17].

Взаимодействие России и Казахстана началось, конечно же, задолго до первой трети XVIII в., и вопрос о принятии казахов в подданство русских государей также возник намного раньше этого времени. Русско-казахские связи были впервые установлены в конце XVI в., причем московское правительство изначально было нацелено на установление своего сюзеренитета над казахами (см.: [КРО, 1961, № 6, с. 8—10]). Подобная позиция, по-видимому, объяснялась своеобразной «эйфорией» московских властей после завоевания трех государств — преемников Золотой Орды: Казанского (1552), Астраханского (1556) и Сибирского (последняя четверть XVI в.) ханств и установления сюзеренитета над еще одним постордынским государством — Ногайской Ордой. Поскольку казахские правители, являясь потомками золотоордынских ханов, были также преемниками Золотой Орды, вполне логично, что московские правящие круги и их стали рассматривать как потенциальных вассалов. Кроме того, инициатором установления русско-казахских отношений стал казахский султан Ураз-Мухаммад, попавший в плен к московским войскам в 1588 г. во

время завоевания Сибири. Впоследствии он поступил на московскую службу и в 1600 г. стал правителем вассального России Касимовского ханства. Вполне вероятно, что он представил политическую ситуацию в Казахстане не вполне объективно, уверив российские власти, что казахи охотно пойдут на признание вассалитета от Москвы. Естественно, самими казахскими ханами и султанами подобная позиция Москвы не приветствовалась, поэтому не приходится удивляться, что особого энтузиазма предложения московской дипломатии у казахских правителей не вызвали.

На рубеже XVI–XVII вв. практически одновременно начались глубокий политический кризис и борьба за власть и в Московском государстве, и в Казахском ханстве, в результате чего дипломатические отношения между ними фактически прекратились и не восстанавливались еще около столетия. Впрочем, это не означает, что русские и казахи совершенно не имели сведений друг о друге в течение всего XVII столетия: периодически они получали информацию в процессе осуществления контактов с монгольскими народами и государствами — восточными монголами, Джунгарским и Калмыцким ханствами.

Официальное восстановление дипломатических отношений между Российской империей и Казахстаном произошло лишь в 1716 г., и на это раз уже казахский хан Каип сам обратился к Петру I с предложением мира и военного союза [КРО, 1961, № 14–23, с. 16–31], что, впрочем, рассматривалось самим императором именно как намерение вступить в российское подданство [Там же, № 24, с. 31]. Однако переговоры по этому вопросу в силу различных политических обстоятельств растянулись на полтора десятилетия, пока, наконец, императрица Анна Иоанновна своей грамотой от 19 февраля 1731 г. не подтвердила официально статус казахов в качестве подданных Российской империи.

Причины, по которым казахские правители подняли вопрос о вхождении в состав империи, не скрывались самими казахскими правителями в посланиях российским властям и, соответственно, неоднократно изучались исследователями. Самой серьезной, по мнению большинства специалистов, являлась угроза подчинения Казахстана западно-монгольским Джунгарским ханством, которое и в самом деле неоднократно вторгалось в казахские области, подвергало грабежу аулы, захватывало пленников, заставляло местное население выплачивать дань. Казахи надеялись, что нахождение под сюзеренитетом России заставит джунгарских правителей (хунтайджи) прекра-

тить свою экспансионистскую политику в отношении Казахстана. Но было бы ошибкой представлять казахов исключительно пострадавшей стороной: казахские правители сами не реже совершали набеги на территорию Джунгарии, а в 1730 г. (т.е. еще до принятия российского подданства) нанесли сокрушительное поражение джунгарской армии в Аныракайской битве, что заставило Джунгарию заключить мир после семилетней войны и существенно снизило угрозу последующих масштабных вторжений со стороны джунгар [Ерофеева, 2007, с. 190–207; Аныракайский, 2008, с. 77–81]. Кстати, взаимные набеги казахов и джунгар, продолжались и после вхождения Казахстана в состав России, на рубеже 1730–1740-х годов, казахские и джунгарские правители вели переговоры, заключали договоры, обменивались заложниками и т.д. (подробнее см.: [Моисеев, 1991, с. 85 и след.]). Более того, российское покровительство требовалось казахским ханам для того, чтобы самим перейти в наступление и взять реванш за прежние нападения джунгар (см.: [КРО, 1961, № 22, с. 28–29])! Следует также иметь в виду, что Джунгарское ханство не слишком отличалось от Казахского по своей политической системе, в нем также постоянно шла борьба за власть, и угроза полного подчинения Казахстана джунгарами была не так вероятна, как старались показать это некоторые казахские правители. Более того, в 1745 г., после смерти хунтайджи Галдан-Цэрена, Джунгарское ханство сотрясали постоянные смуты, связанные с борьбой различных претендентов на трон, в результате на рубеже 1740–1750-х годов Джунгария попала в вассальную зависимость от империи Цин, а в 1758 г. была полностью разгромлена и присоединена к Китаю [Златкин, 1964, с. 279–303]. Поэтому вряд ли стоит абсолютизировать эту причину принятия казахами российского подданства.

Значительную угрозу для казахов представляли и нападения со стороны российских подданных — башкир и калмыков, стычки с которыми, а иногда и крупные набеги, также постоянно тревожили казахские жузы (см., напр.: [Таймасов, 2009, с. 150, 152] (ср.: [Ерофеева, 2007, с. 265; Васильев Д.В., 2014б, с. 15])). Казахские правители не без оснований полагали, что приобретение статуса таких же подданных России послужит гарантией против этих набегов. Однако точно так же, как в отношениях с Джунгарией, казахи не меньше башкир и калмыков были виноваты в этой вражде, поскольку сами нередко совершали такие же разорительные набеги, захватывали башкирских и калмыцких пленников и скот. И надо отметить, что даже после принятия российского подданства казахские правители не отказались от

этой практики: взаимные набеги казахов, калмыков и башкир продолжались в течение десятилетий, несмотря на попытки российских властей воздействовать на всех виновных административными и правовыми методами — вплоть до разбирательств в Правительствующем сенате [Таймасов, 2009, с. 17]. Таким образом, намерение казахов обезопасить себя от набегов башкир и калмыков путем принятия российского подданства также вряд ли было серьезной причиной для столь важного решения — ведь тем самым казахские правители лишали и себя (по крайней мере юридически) права совершать небезвыгодные нападения на башкирские и калмыцкие кочевья.

Наконец, третьей причиной заинтересованности отдельных казахских правителей в российском подданстве была возможность получения российской поддержки — административной и, как надеялись сами ханы, военной — в борьбе за укрепление личной власти. И как мы увидим ниже, наиболее активно эти амбиции проявлял именно Абулхайр, первым из казахских ханов-Чингисидов признавший российское подданство.

Особенностью вхождения Казахстана в состав Российской империи стало то, что, в отличие от тюрко-татарских народов Поволжья, Приуралья и Сибири (в частности, населения бывших Казанского, Астраханского, Сибирского ханств), казахи признали российский сюзеренитет добровольно и даже более того, фактически они сами проявили инициативу по поводу вхождения в состав России. В связи с этим российские власти в течение довольно длительного времени не вполне понимали, каким образом следует выстраивать правоотношения со своими новыми подданными, поскольку схемы, применяемые в управлении населением бывших тюрко-татарских ханств, покоренных военным путем в XVI—XVII вв., в данном случае были неприменимы. Специфика правоотношений Российской империи с правителями Казахстана нашла отражение и в правовых актах, закрепивших статус казахских вассалов в отношении России.

Соответственно, первичный этап вхождения Казахстана в состав Российской империи имел специфический переходный характер политики имперских властей по отношению к своим кочевым подданным и соседним тюрко-монгольским государствам. Переходность заключалась в том, что российские власти пытались сочетать в регулировании взаимоотношений с кочевыми народами элементы и прежней традиционной практики, и новых имперских реалий. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить причину оформления сразу двух правовых актов, зафиксировавших признание казахским Млад-

шим жузом российского подданства — грамоту императрицы Анны и присягу хана Абулхайра.

Грамота Анны Иоанновны, на первый взгляд, представляет собой нормативный акт вполне «европейского образца», характерный и для регулирования правоотношений в европейских частях Российской империи со времен Петра I, а присяга Абулхайра — не более чем «экзотическое приложение» к основному документу-указу. Однако если обратиться, с одной стороны, к содержанию обоих актов, с другой — к истории правового регулирования отношений России с ее кочевыми подданными, то мы убедимся, что, во-первых, грамота и присяга — фактически две неотъемлемые части одного нормативного акта, во-вторых, принятие казахов в российское подданство оформлено в традициях не столько послепетровской Российской империи, сколько Московской Руси (а через ее посредство и Золотой Орды).

Соответственно, нельзя сказать, что этот документ был совершенно уникален по форме: и в отношениях с вышеупомянутыми тюрко-монгольскими народами и государствами московские государи в дополнение к тексту присяги-шерти нередко выдавали собственные грамоты, в которых принимали «в подданство» правителей соответствующих народов и государств с их собственными подданными (см., напр.: [Русско-монгольские, 1959, № 97, с. 196–199]). Тем не менее такие грамоты составлялись в куда более «мягкой» форме, и понятие подданства в них было довольно расплывчатым. В принципе эти грамоты отражали некую московскую государственную и правовую идеологию отношений с соседними кочевыми народами, от которых в большей степени требовалось соблюдение мира и безопасности границ, нежели прямое исполнение вассальных обязательств. Таким образом, эти грамоты в полной мере вписывались в традиционный характер правового регулирования взаимоотношений Московского государства с кочевыми соседями.

Реформы Петра I, радикальная трансформация статуса России (из «царства» в «империю»), имели следствием существенные изменения и в политико-правовой идеологии российских государей — преемников первого императора. В частности, это нашло отражение в том, что прежние отношения государей и подданных как сочетание неких взаимных прав и обязанностей теперь превратились в совокупность односторонних обязательств «подданного всероссийского народа», который был обязан безусловно службой своему императору — абсолютному монарху (см.: [Анисимов, 1989, с. 300 и след.]). Именно в этом ключе следует рассматривать и грамоту Анны Иоанновны хану

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.